

XV

63
11

Всесоюзная
Библиотека
имени
В. И. Ленина

МУРЗИКА

№ 7

Июль
1946

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

ЗДРАВСТВУЙ, ЛАГЕРЫ!

Всесоюзная
Библиотека
ЖМШ
В. И. Ленина

ХЛШ-618

Здравствуй, летний лагерь!
Лодки! Паруса!
Белые палатки!
Тёмные леса!
Иволги, кукушки,
Дятлы-долбуны,
Старый муравейник
Около сосны!
Хвойная тропинка
В ельнике густом!
Длинные походы,
Завтрак под кустом!
Травами, цветами
Пахнут вечера.
Песни да рассказы
Около костра.
Утренние зори,
Майки на песке.
Волны, точно в море,
Ходят по реке.
Гей, пловцы-спортсмены,
Кто нырнёт до дна?
Плетешками пены
Вышита волна.
Мечутся в испуге
Поперёк реки
Синие стрекозы,
Плавунцы-жуки.
Облачко на небе
Тает без следа...
Здравствуй, здравствуй, лето!
Солнце и вода!
Кустик землянички!
Рыжик боровой!
Ящерка на камне!
Пчёлка над травой!
Здравствуй, летний лагерь!
Вольные края!
Как же хороша ты,
Родина моя!

Е. Трутнева

Михаил Иванович Калинин

3 июня после тяжёлой болезни умер Михаил Иванович Калинин. Товарищ Калинин был 27 лет председателем верховного органа нашего советского государства. Всю свою жизнь Михаил Иванович отдал родине. В годы Отечественной войны товарищ Калинин был уже тяжело болен. Но он самоотверженно работал на посту председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он отдавал все силы делу победы Советского Союза над немецкими и японскими захватчиками.

Как бы ни был занят Михаил Иванович большими государственными делами, он никогда не забывал о вас, ребята. Он приезжал на собрания ремесленников и школьников, он принимал детей в Кремле, он писал им письма. Он хотел, чтобы советские дети выросли достойными гражданами своей великой родины.

ЖИВОЙ РОДНИК

Я вспоминаю: с севера и с юга,
Под жарким солнцем и в ненастной мгле,
К нему крестьяне ехали, как к другу,
Поговорить о жизни, о земле.

В те дни деревня новый путь искала,
За новой правдой шла в Москву она...
И у него тогда перебивала,
Наверно, вся Советская страна.

К нему стучались в двери днём и ночью,
И был для всех он, как живой родник —

Тверской крестьянин, питерский рабочий
И ленинской закалки большевик.

И все его любили, как родного, —
От стариков до маленьких детей.
Его дела, его простое слово
Навек остались в памяти людей.

Пусть нет его сегодня между нами,
Но это имя — всей своей душой —
Поднимем мы, как боевое знамя,
Как символ жизни правой и большой.

М. Исаковский

П. БАЖОВ

Рис. Е. РАЧЕВА

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

(Из уральских сказов)

Жил на нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку.

Спросил у соседей — не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григорья Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку, по шестому году, никому не надо. Вот ты и возьми её.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечка бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда, — отвечает Кокованя. — Уговорю как-нибудь.

В праздничный день пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит — полна изба народу, больших и маленьких. На голбчике, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая,

и кошка маленькая, и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка? Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецапала, да ещё корми её!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твой ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёной зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал. не гадал. нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да всё увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу, — ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-

то узнать. И то видит—старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку Мурёнку тоже возьми. Гляди, какая хорошая!

— Про это, — отвечал Кокованя, — что и говорить! Такую звонкую кошку не взять. — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет:

— Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

Вот и повёл Кокованя сиротку к себе.

Сам большой да бородатый, она махонькая, и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошечка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе: дед Кокованя, сиротка Дарёнка да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил, Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила—мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно. Только после всякой сказки Дарёнка на-помнит:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где

ножкой бить станет, там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору, что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая.

А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у этого на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подьедает.

— Дедо, а шёрстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот

у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, он душной?

Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной! Это домашние козлы такие бывают, а лесной козёл — он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот — Серебряное Копытце — всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушёл.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

— Ныне в полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложек поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

— Серебряное Копытце в той же стороне пасётся?

— Кто его знает! Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное Копытце близко подойдёт, я и погляжу.

Старик сперва руками замахал.

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчоночке ходить! На лыжах ведь надо а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал, отговаривал, потом и подумал про себя: «Сводить разве? Раз побывает — в другой не запросится».

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку.

«Нельзя ли, — думает, — этой верёвкой Серебряное Копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да

что поделаешь! Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное Копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжился старик! Таковую маленькую девчоночку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улице увидели. Оглянулись, а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправились. Большая да здоровая

стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну! Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят, а Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то!

Кокованя даже удивился:

— Известно, веселее.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадьёю сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить? А Дарёнка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая, рассудила. Сам про это думал. Да забоишься, поди, одна-то?

— Чего, — отвечает, — бояться? Сам же говоришь, что балаган у нас крепкий, волкам не добиться, да и не лезут они в это место. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки.

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал. Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Мурёнка лежит спокойнѣхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит: от лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось.

Легла Дарёнка рядом с кошкой да и уснула до утра.

Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скученько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да и приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться, вдруг по стене топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом — где дверка, а там и сверху запостукивало.

Негромко, будто кто лёгонький да быстрый ходит.

Дарёнка и думает: «Не козёл ли тот, вчерашний, прибежал?» И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит — а козёл тут, во все близко. Спокойнѣхонько стоит. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, — а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках.

Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся! Повернулся да и побежал по покосным ложкам. Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выби-

вает. На другой раз, видно, покажет.

Мурёнка, знай, свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошёл, а всё Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слезы запекывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нет. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились. Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным

копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит, переливается разными огнями. Наверху козёл стоит и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются.

Вдруг Мурёнка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула — и ни Мурёнки, ни Серебряного Копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало.

Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнку жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное Копытце больше не показался.

Потешил раз — и будет.

Только раз случай такой вышел.

Коковане что-то крепко занедужилось, а Дарёнка ещё далеко до полного возраста не дошла. Девушка, конечно, смыслёная, работающая, а всё же трудненько ей при-

шлось, как старик из сил выбился. И камешки дорогие к той поре у них на исходе были.

Вот Дарёнка и повздыхала: как, дескать, дальше-то жить будем, когда последний камешек проедем?

Подумала так — и слышит, будто рядом кошка фыркнула. Огляделась — никого нет. Спросила Кокованю:

— Дедо, ты ничего не слышал?

А старик и говорит:

— Слышал, вроде как наша Мурёнка фыркнула, ровно ей что не по нраву пришлось.

Дарёнка тут и созналась в своих думах. Кокованя её укорил:

— Зря ты, девушка, подумала. Не нами сказано: лениться да унывать не будешь, завсегда хлеба добудешь.

Только он это промолвил, Дарёнка слышит: в сундучке, где камешки лежали, что-то зашуршало. Поглядела, а он полнёхонек.

Да ещё новенькие камешки появились, каких раньше не было. Показала Коковане, он и объяснил:

— Такую штуку гранильщики зовут «кошачий глазок». Ничего, камешек подходящий, в цене.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали.

Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

РАДУГА

Прояснилось небо,
Засинела даль.
Дождик словно не был,
Речка — как хрусталь.

Над рекою быстрой,
Озарив луга,
На небе повисла
Радуга-дуга.

Учитель П. Образцов

В МАНЬЧЖУРИИ

ГЕННАДИЙ ФИШ

Рис. В. ВЫСОЦКОГО

Пятнадцать лет назад японцы захватили Северный Китай. В августе прошлого года Красная Армия разбила японских фашистов и освободила китайцев от японского гнёта. Главные бои шли в той части Китая, которая называется Маньчжурией. Там мы увидели много интересных вещей.

Рис

Китайцы не едят хлеба. Вместо хлеба у них рис. И в Маньчжурии очень много рисовых полей. Весной эти поля затопляются водой и на всё лето превращаются в настоящие болота.

Проходя по этим болотистым рисовым полям, наши бойцы думали, что у китайских крестьян вдоволь риса. Как же они удивились, когда узнали, что китайцам запрещали есть рис! Весь урожай японцы забирали себе. На всех дорогах, на всех базарах стояли полицейские. Они проверяли каждую повозку, каждый мешок и отбирали рис. Полицейские ходили и по домам. И если полицейский видел у китайца в котелке рис, он отправлял китайца в тюрьму.

Когда Красная Армия освободила Маньчжурию, рис снова стал ежедневной пищей китайцев.

Китайцы зазывали красноармейцев в гости и угощали рисом. Только нам было

трудно есть рис. У хозяев не было ни ложки, ни вилки. Китайцы все блюда, даже мелкий рассыпчатый рис, едят палочками. Они берут две палочки в одну руку и так быстро и ловко ими орудуют, что просто загляденье! Наши бойцы никак не могли привыкнуть к этим палочкам. Попробует — ничего не выходит — и поставит обратно мисочку. Хорошо было тем, у кого ложка или вилка за голенищем. Ну, а китайцы никак не могли управиться с нашими вилками.

Китайские коровы

В полях мы видали китайских коров. И что нас удивило: все коровы и быки были чёрные. Встречались нам и телеги, запряжённые волами, и волы тоже были чёрные. В Китае водится только такая порода.

Как-то вечером мы попросили в китайской деревне кринку парного молока. Радужный хозяин заулыбался, залопотал по-китайски. Но он ничего не понимал.

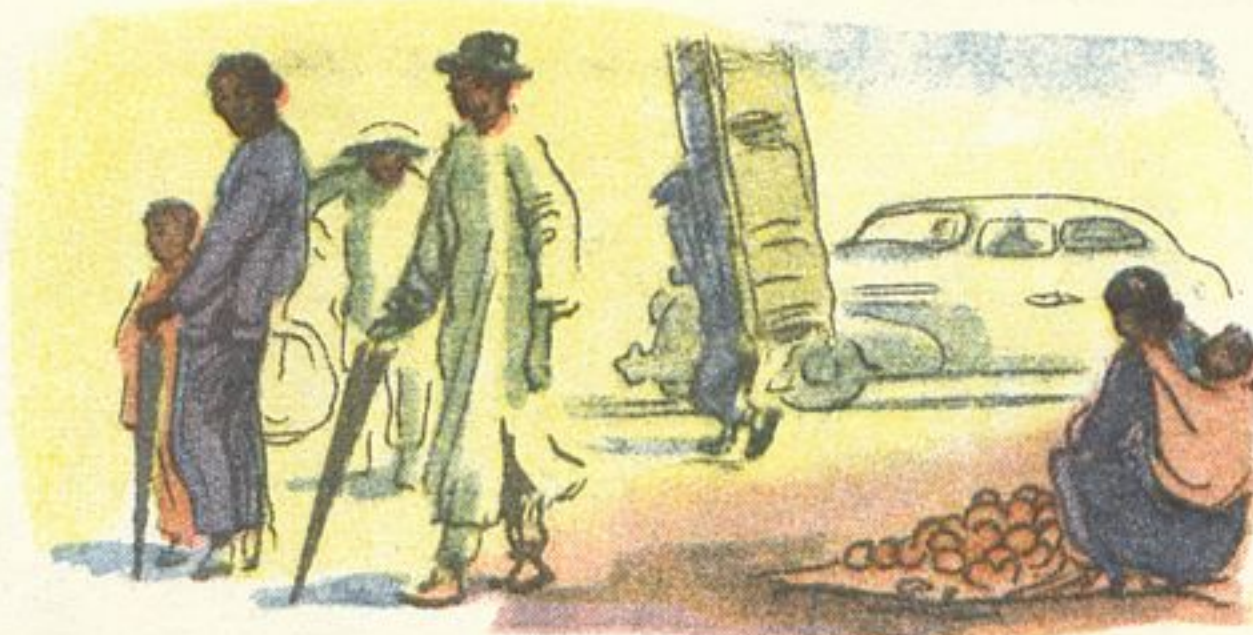
Так мы и остались без молока. Потом мы узнали, что коровы разводятся китайцами только для мяса и как рабочий скот, а молочного скота у них совсем нет. И даже считается непри-

личным употреблять коровье молоко в пищу. Поэтому у них нет совсем и коровьего масла, и слов таких, как «сметана», «сливки», нет в их языке. Молочный скот в Маньчжурии разводится только там, где есть русские посёлки. Русские же научили китайцев разводить арбузы, дыни, подсолнечник. Семечек теперь в Маньчжурии сколько угодно. А огурцы растут такие, каких мы никогда не видавали: длинные, на полметра, и изогнутые, как колбасы.

На Маньчжурской дороге

Мы мчались на «виллисе» из старинного китайского города Гирин в новую столицу Маньчжурии—Чаньчунь. Навстречу нам попадались пешеходы-китайцы, простые крестьяне. Они шли босиком, у иных штаны были закатаны до колен, многие из них были без шапок, но каждый нёс в руке зонтик. Один и тот же зонтик от солнца и от дождя. Без зонтика китаец не выходит из дома. Совсем ещё недавно зонтики входили в снаряжение китайских солдат. Мы обгоняли женщин-кореек, которые с удивительной ловкостью несли на головах большие корзины и тюки. Женщина, даже не касаясь руками своего груза, поворачивала голову вправо и влево, и ноша её не скользила вниз и не падала. Это было,

как в цирке. Все корейские женщины переносят тяжести на голове. Китайцы же носят тяжести на палках - коромыслах, на концах которых висит по корзине. Коромысла эти напоминают большие весы.

Мы въехали в деревню. Шофер взял ведро и побежал к колодцу за водой. Нас со всех сторон обступили деревенские жители. Вокруг машины столпилось очень много детей. Все до единого черно-головые, все до единого черноглазые, и все одеты одинаково. Никак не отличишь — мальчик или девочка. Потом-то мы научились различать: у большинства девочек за спиной были привязаны куклы. Женщины здесь носят детей за спиной. И дома, и на работе, и в поле, и когда в город идут — всегда ребёнок за спиной. Вот и девочки своих кукол тоже носят за спиной.

В Порт-Артуре

На берегу Жёлтого моря раскинулся очень живописный город Порт-Артур. Это крепость. Её построили русские. Потом Порт-Артур захватили японцы. Красная Армия разгромила японцев. Порт-Артур стал советской крепостью. На месте, где сорок лет назад погиб герой обороны Порт-Артурского генерал Кондратенко, какой-то красноармеец тушью написал на камне: «Товарищ Кондратенко! Встань и смотри: твои сыны опять в Порт-Артуре».

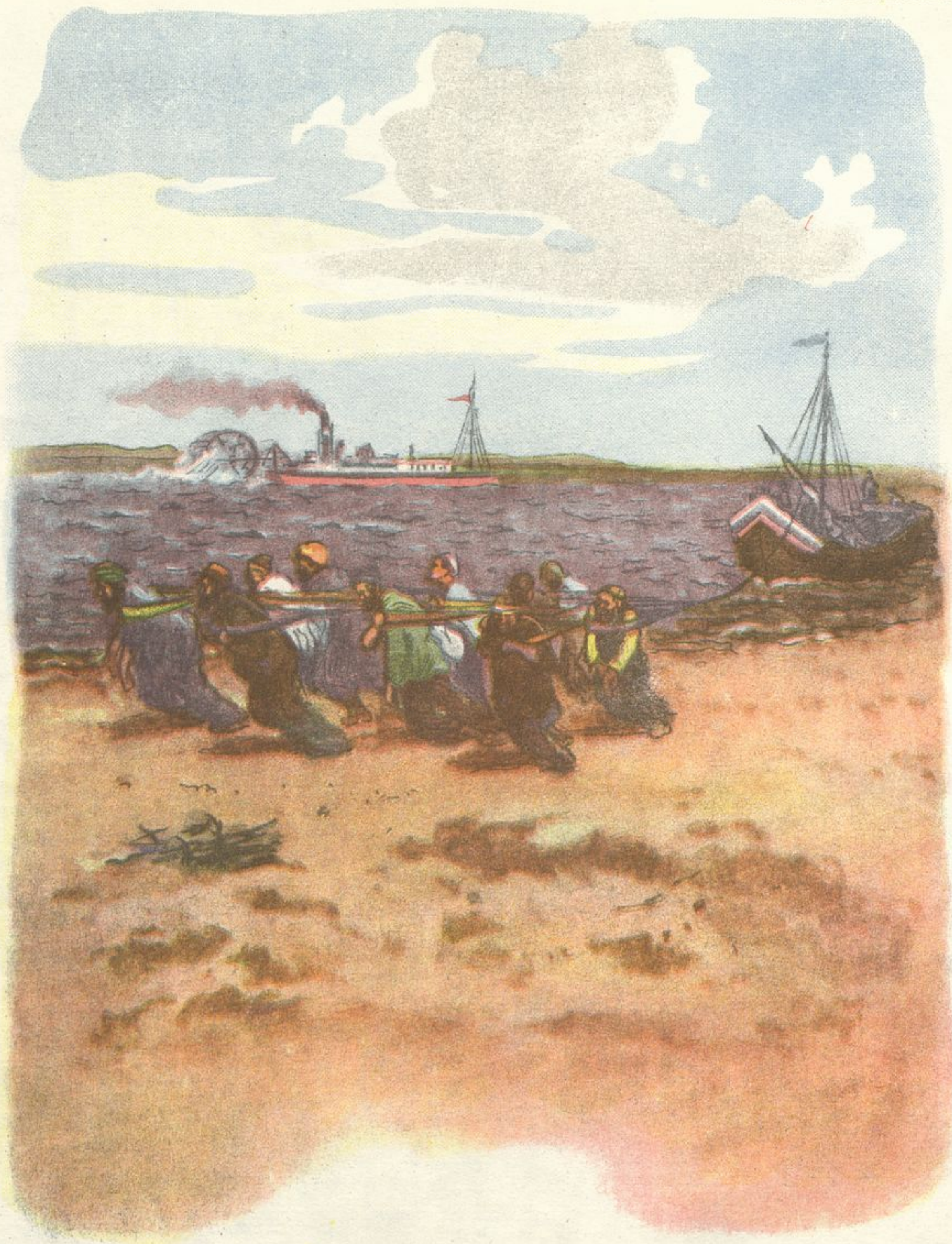
Смотрите, сколько тут интересного! У пристани пришвартован огромный теплоход. По реке идёт нефтеналивное судно. Вон

бежит моторная лодка. На высоком берегу стоят большие красивые дома. Глядите, сколько арбузов на барже! Их выращивают

на своих бахчах волжане. Вот такие пристани советский народ строит на своей великой реке Волге.

А теперь переверните страницу и посмотрите, какой была Волга в старые времена.

Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бичевой!..

Н. А. НЕКРАСОВ

П Л А В У Н Ч И К

ВИТ. БИАНКИ

Преудивительная водится у нас птичка. Называется — плавунчик.

Где бы вы ни жили летом — на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке, — всюду вы можете встретить этих птичек. И всегда неожиданно. А завтра придёте туда, где их видели, — их уже нет.

Ищите их на море, в озере, в реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма, и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти из куликов. Кулики — стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики — кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки, — белые и серые, красноватенькие — пёстро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко встретишь.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился. Пришёл домой и говорит:

— Что за птиц таких я видел — просто не пойму! Идешь — все птицы от тебя удирают, раз-

Рис. А. ПОРЕТ

летаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу — они даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются, ни минуты не сидят спокойно: кружатся жуками на воде. А то в чехарду начнут играть, прыгают друг через друга, перепархивают.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами, — прямо из окошек видно. Сегодня плавают стайка, а завтра исчезнет. Пройдёт два-три дня — другая стайка появится. И так всё лето.

— Вот бездельники! — удивляется мой сынишка. — Другие птицы все на гнёздах сидят, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют всё лето. Наверно, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки — серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут яйца — и до свиданья! Улетают. Петушки одни на гнёздах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А всё-таки я их шибко полюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

— Очень хорошие, — согласился я.

И вот раз утром прибегают мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

— Смотрите, кого я принёс!

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

— Я, — говорит, — сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка несётся. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит.

Увидела меня — и прямо ко мне. Примчалась — и в ноги мне. Села и сидит.

— Туик! — говорит. Я сразу понял: «защити меня!» просит. Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, покружились, видят, со мной не справиться, — и отлетели. Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал — и домой с ним. Вот он, — видите, какой!

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали: что с ним делать? Конечно, такая милая птичка — радость в доме. Но чем её кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно.

Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки. Он, ничего, — пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, — в лес. В лесу среди вырубки знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днём туда разные кулики прилетали — покормиться а на ночь — утки.

У этой ямы мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза: «Туик, туик!» — вроде, значит, «спасибо» сказал, «до свиданья» — и как ни в чём не бывало принялся жуком кружить по воде.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им. Наконец я говорю:

— Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит

отсюда на Каму — к своей стайке. Птица вольная, — ей так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в ёлочках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой — и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из ёлочек, машу на него рукой: «Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!»

А он посмотрел на меня, «туик», пискнул — вроде «здравствуй» сказал — и плывёт к нам. Подплыл — и у наших ног кувырывается, тину со дна носом достаёт — питается.

Сынишка говорит:

— Пойдём-ка, папа, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде. Ну, как тут стрелять!

Дробь разлетится, ненароком и его заденет.

Пришла пора. С севера, из тундры, прилетели стайки плавунчиков: петушки со своими воспитанниками — молодыми. Поплавали немножко на Каме все вместе — с франтихами-самочками — и исчезли.

Это они в своё осеннее путешествие отправились — на зимовки. А зимовки у них — в далёких жарких странах: в Индии, в Индо-Китае и ещё дальше. Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята: если где встретите его или других плавунчиков, не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям. А ведь так приятно, так хорошо становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего. Особенно, когда так в тебя верит беззащитное, маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

Продолжение ¹

Корней ЧУКОВСКИЙ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

НЕУЖЕЛИ УМРЁТ?

В эту минуту белая мышка тихо застонала во сне.

Видно было, что она очень страдает.

Слишком уж сильно исцарапала и искусила её злая Чертецца!

Бибигон услышал её стоны, наклонился над ней и вдруг закричал громким голосом:

— Цинцинэлла больна!

Умирает она!

О, спасите мою Цинцинэллу!

Долго мы лечили несчастную мышку.

Три дня и три ночи Бибигон не отходил от её постели.

Часто подбегал он к окну своего игрушечного дома и настойчивым шопотом просил у меня:

— Дайте мне пирамидону!

Принесите белладонну!

И достаньте поскорее

Аспирин и сульфидин!

Мы давали ему все эти лекарства — и капли, и порошки, и пилюли, — но Цинцинэлле становилось всё хуже и хуже. Она стонала, не переставая, днём и ночью, и я уже хотел было послать кого-нибудь на станцию Внуково за моим другом-приятелем стариком Айболитом, знаменитым звериным доктором, как вдруг однажды, перед завтраком, Бибигон взбегает на свою бибигонскую башню, вывешивает на ней флаг и громко кричит на весь дом:

— Ура! Ура!

Моя сестра

Опять здорова и бодр!

А ты, проклятый чародей,

От шпаги доблестной моей

Ты не уйдёшь! Я так люблю

Сестру несчастную мою,

Что жизнь и счастье отдам,

Чтоб отомстить её врагам!

— А если враги одолеют тебя и ты будешь побеждён и убит? — спросила Лена испуганным голосом. — Ведь они такие

¹ Начало см. в нашем журнале №№ 11, 12 за 1945 год и №№ 1, 2—3, 4, 5—6 за 1946 год.

сильные и злые — и Чертецца, и Брундуляк, и дракон.

Бибигон поднял голову и гордо сказал:
— Что ж! За любимую сестру
Всегда я с радостью умру!

Через несколько дней она встала с постели и сошла вниз, на террасу. Лена сшила ей шёлковый халат золотистого цвета и купила для неё маленький кукольный зонтик. Было приятно смотреть, как по нашей кленовой аллее прогуливаются под этим зонтиком брат и сестра, — оба такие красивые, нарядные, милые.

Мы все — и мои внуки и я — очень полюбили Цинцинэллу. Даже Федосья Ивановна перестала ненавидеть её и всякий раз гнала от неё злую Чертеццу, которая то и дело подкрадывалась к ней из-за кустов и деревьев, чтобы вонзить в неё свои острые зубы.

КАРАКАККОН НЕ УБИТ!

Однажды мы спросили Бибигона:

— Почему ты не расскажешь нам о твоих приключениях? Как ты сражался с драконом? Как отрубил ему голову? И как ты спас свою сестру Цинцинэллу?

Бибигон печально вздохнул и ответил:

— Увы, хоть милую мою
Сестру от недруга я спас,
Но нет, не сгинул он в бою,
Он жив, он жив и посейчас.
Да, ранен он
И побеждён,
Но до сих пор
Не сгинул он.
Он жив, он жив,
Каракаккон,
Он жив, безжалостный дракон!

Мы взглянули на луну, и нам всем показалось, что мы видим своими глазами, как разлеглось на ней это зелёное чудище, истекая зелёною кровью, а из пасти его пышет зелёный огонь.

Мало-помалу Бибигон успокоился. Он снова стал играть и веселиться. Но нет-нет, да и поглядит на луну и схватится за свою острую шпагу:

— погоди же, проклятый дракон! Я ещё расправлюсь с тобой!

ВОРОНА

Дни проходили за днями. Лето стояло чудесное. Нам жилось хорошо и привольно. Каждый день мы вместе со всеми моими внучатами, с моей старой собакой Альфой, с Бибигоном и его сестрой Цинцинэллой уходили куда-нибудь в лес, собирали ягоды, купались, разводили костры, и время проходило очень весело.

Правда, в ту пору произошло одно небольшое событие, которое встревожило и огорчило меня, но я вскоре перестал о нём думать, потому что разве можно думать о неприятных вещах, когда небо такое горячее, и птицы поют, как на празднике, и каждое дерево радуется доброму и щедрому солнцу?

А событие было такое: в наш сад, неизвестно откуда, вдруг как-то ночью прилетела большая ворона, взгромоздилась на высокое дерево и устроила над самым моим балконом гнездо. Она с таким любопытством целыми часами глядела в окно, так назойливо кружилась над нашей террасой, так сердито и хрипло кричала своё злое «каар», что я, признаться, с первого взгляда возненавидел её и не раз говорил

Бибигону, чтобы он был подальше от этой отвратительной птицы и не попадался бы ей на глаза.

Говорил я Бибигону:

— Бибигон!

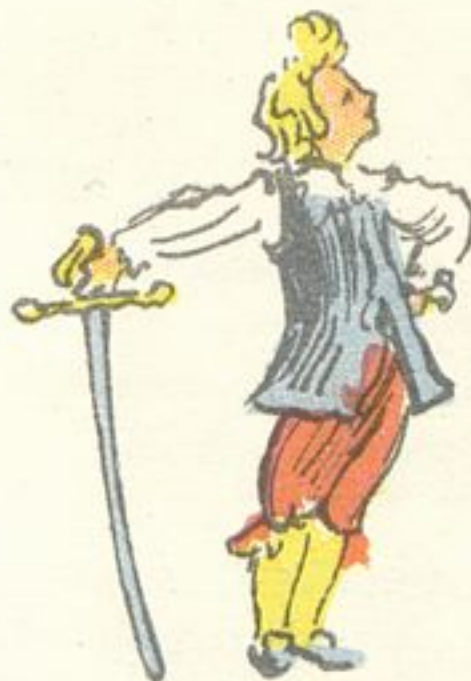
Не ходи ты по балкону,
Бибигон!

Там у нашего балкона,
Бибигон,
На сосне сидит ворона,
Бибигон.

— Это вовсе не ворона, —
Засмеялся Бибигон, —
Никакая не ворона,
Не ворона, не ворона,
Это вовсе не ворона,
А дракон Каракаккон.

И просил я Бибигона:
— Берегись Каракаккона!

Но едва я вышел вон —
На балконе Бибигон!
Он гуляет по балкону,
Дразнит чёрную ворону:

— Я — могучий
Бибигон,
Не боюсь я ворон.

Вот какой он непослушный и дерзкий. Но, к счастью, ворона только прокричала в ответ своё сердитое «каар», взмахнула крыльями и улетела куда-то. Вскоре мы совсем позабыли о ней, потому что можно ли помнить о каких-то воронах, когда в роще за озером поют-распевают малиновки, синицы, чижи и скворцы!

(Окончание в следующем номере)

ЛЕТНИЙ ВАЛЬС

Н. САКОНСКАЯ

В лесу, на опушке,
Стрекозы-подружки
Знакомых позвали на бал.
Кузнечик на скрипке
На слух, без ошибки,
Старинные вальсы играл.

Букашка с былинкой
Танцует в обнимку,
Осу подхватил мотылёк,
Поёт им комарик,
И синий фонарик
Зажёг в темноте светлячок.

А божья коровка
Склонила головку,
Расправила свой сарафан

И так танцевала,
Что тут же, среди бала,
Упала без сил на диван.

В разгаре веселья
Над старою елью
Взошла молодая луна,
И ей не сидится,
Но с неба спуститься
Не может на землю она.

А гости всё кружат.
Луне без подружек
Так скучно одной в синеве.
В лесу над ложбинкой
Скрипач-невидимка
Весь вечер играет в траве.

ЗАГАДКИ

Е. ТРУТНЕВА

ОТГАДАЙ!

В золотом наряде братья
В чистом поле встали ратью.
Не для них ли столько песен
Было жаворонком спето?
Это с ними куролесил
Ветерок-ветрило летом.
Солнце греет их лучами,
Частый дождичек их мочит,
А осенними ночами
Им кузнечики стрекочут.
По межам — тропам зелёным —
К ним жнецы идут с поклоном.

КАК ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ЛЕСА

Ребята! Многие из вас в будущем станут охотниками, разведчиками, путешественниками. А такие люди должны быть смелыми, умными и знающими. Учитесь быть такими с детства.

Вот, например, если вы заблудились в лесу, а компаса с собой нет, — как вы выберетесь из леса? Здесь нарисованы дерево, пень, камень. Как по ним узнать, где север, где юг, откуда вы пришли и где ваш дом?

Л. Пантелеев

ЗАГАДКА

Меня искали
днём с огнём
И не нашли
В траве густой.
Вот я какой!
А ночью
даже без огня
Нашли меня
В траве густой.
Кто я такой?

Раиса Гинцбург

Что копали из земли,
Жарили, варили?
Что в золе мы испекли,
Ели да хвалили?

Е. Трутнева

ЗАГАДКА

Целый день, с утра до ночи, От зари и до зари, В частом ельнике хлопочут Силачи-богатыри. Каждый тащит по бревну, Больше их оно в длину. Строят, строят дом под елью,	С этажами, каруселью, Без окошек, без крыльца, Без начала, без конца. Не найдёшь на белом свете Силачей таких, как эти, Трудовой такой семьи. Кто же это?
---	---

(Мурavyi)

НА ДАЧУ

Под диваном Мишка плачет:
„Все уехали на дачу!
А меня до осени
Одного здесь бросили!“

Вышли мыши из подполья.
„Ну, а нам зато раздолье:
Бегай где угодно, —
День и ночь свободно“.

ЗЕМЛЯНИКА

Солнце жарче пригревает.
На опушке, возле пня,
Земляника поспевает,
Дождается меня...

Земляничек сколько алых,
Жарким солнцем налитых!..
Целый день я собирала —
И всё больше было их.

ЛЕТО

Агния Кузнецова

Задремала речка,
Задремал лесок,
Жжётся, словно печка,
Золотой песок.

Жарко, жарко, жарко
В этот летний день —
Птицам не поётся,
Рыбам плавать лень.

Тихо, тихо, тихо,
Даже стрекоза
Дремлет рядом с мухой,
Выпучив глаза.

В ПУТЬ-ДОРОГУ

(Объяснение к игре на стр. 22—23)

Вот игра для будущих путешественников. Играть могут от двух до четырёх человек. Каждый по очереди бросает кубик.

Путешественники отправляются утром из домика с красным флажком и возвращаются вечером в тот же домик. В пути они собирают ягоды, грибы, цветы, ловят рыбу, — словом, делают всё, что нарисовано на картинке. Выигрывает тот, кто вернётся домой с самой богатой добычей.

Прежде чем отправиться в путь-дорогу, нужно как следует подготовиться. Путешественник пять раз бросает кубик, чтобы получить нужные вещи. Если выпало одно очко — получает компас, два — удочку, три — сачок, четыре — корзинку. После этого путешественник ставит свою фишку на синюю стрелку, снова бросает кубик и продвигается вперёд на столько кружков, сколько у него выпадет очков.

В дороге у путешественников будет много приключений. Очутившись на кружке 3, 4 и 5, путешественник теряет направление. Если в снаряжении у него есть компас, он может сразу переходить на кружок 6 и продолжать путь. А вот если у него компаса нет, он кружит по жёлтым кружкам до тех пор, пока его фишка не окажется на кружке 6. Если путешественник останавливается на кружке, где нарисованы ягоды, рыбы, цветы и т. д., и у него есть снаряже-

ние, чтобы взять эту добычу, он собирает её и записывает себе премию. Каждый предмет — одна премия. Сбирать цветы, ягоды, грибы, подобрать ежа имеет право тот, у кого есть корзинка. Ловить рыбу может только тот, кто путешествует с удочкой, а бабочек — у кого есть сачок. Но путешественник может наткнуться на ядовитые грибы, — тогда он теряет всю свою добычу, хотя путешествие продолжает. От кружков 9 и 18 дороги расходятся. Здесь путешественник сам выбирает себе дорогу в зависимости от того, какая добыча ему нужна. Кружок 10 обозначает: «разорил птичье гнездо». Тут игрок теряет всё и начинает путешествие снова. Кружок 16 значит: «попал в болото». Путешественник отступает на пять кружков назад. Кружок 18: «залез в воду, не спросивши броду». Путешественник тонет и выходит из игры совсем. Кружок 23: «наткнулся на гадюку». Путешественник возвращается на кружок 21 и продолжает путь снова с этого кружка. Кружки 9, 11, 15, 17, 19 значат: «увидел белку», «катался на лодке», «варил уху», «увидел утку», «купался на хорошем, чистом месте». Путешественники, поставившие фишки на эти кружки, записывают себе в добычу по две премии. Кружок 12 обозначает: «затушил кем-то брошенный костёр». Если фишка остановилась на этом кружке, путешественник записывает себе всю добычу, которая есть на картинке.

ПРАЗДНИК В ЛЕСУ

4821

Рис. на обложке Е. Чарушина

Год издания двадцать третий

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: С. М. АЛЯНСКИЙ, А. П. БАБУШКИНА (отв. редактор), В. В. БИАНКИ, Ю. А. ВАСНЕЦОВ, В. В. ЛЕБЕДЕВ, С. В. МИХАЛКОВ, А. К. ПОКРОВСКАЯ, К. А. ФЕДИН, И. И. ХАЛТУРИН, К. И. ЧУКОВСКИЙ, Е. Я. ШВАРЦ. Техред З. В. ТЫШКЕВИЧ.
Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-5-82-91. Подписано к печати 16/VII 1946 г. АС4559. Объем 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л.
32 000 экз. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 1227.

Тип. «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, Суцеская ул., 21.